

ИНЕССА ЗАХАРОВА

О ЧЁМ МОЛЧИТ НЕВА

Спаси его — значит потерять часть себя

18+

Инесса Захарова

О чем молчит Нева

«Автор»

2026

Захарова И. Н.

О чем молчит Нева / И. Н. Захарова — «Автор», 2026

Петербург, 1777 год. Во время наводнения Вера Мещерякова садится в чужую лодку, чтобы спасти двух женщин. Прыгнувший следом морской офицер помогает ей — и называет фамилию, связанную с гибелью её мужа. Весной Михаил утонул при перевозке груза. Вера хочет узнать, почему он вышел на воду с ненадёжным креплением. Но каждый найденный ответ угрожает тем, кто помогает ей теперь. А Дмитрию Вельскому придётся выбирать между правдой для любимой женщины и спасением собственного брата. Вера хранит тайну: прикоснувшись к мокрому дереву, она слышит близкую гибель человека. За каждое предупреждение вода навсегда отнимает одно дорогое чувство. Рядом с Дмитрием она впервые после утраты хочет жить и любить. Но он ещё не рассказал ей всего. И когда Нева снова потребует плату, Вере придётся решить, чем пожертвовать ради человека, которому она боится верить.

© Захарова И. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Чужая лодка	6
Глава вторая. Верхние комнаты	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Инесса Захарова

О чем молчит Нева

Инесса Захарова

О чём молчит Нева

Исторический приключенческий роман

Петербург

1777–1778

18+

Все даты художественного текста приведены

по старому стилю

Глава первая. Чужая лодка

Петербург, возле Галерной гавани

10 сентября 1777 года, перед рассветом

Вера собиралась украсть только лодку. Офицер прыгнул в неё сам.

От толчка борт накренился, вода плеснула на скамью. Вера ухватила за край и едва не выпустила весло. Мужчина поймал его раньше, чем оно ушло за борт.

— Куда вы собрались?

— В тот дом. — Она показала через залитый двор. — Там две женщины. Одну надо вынести.

Он посмотрел туда, куда она указывала. В нижнем окне белело лицо Ульяны. Та махала рукой и что-то кричала, но ветер заглушал слова. До окна ещё можно было дотянуться из лодки. Сколько это продлится, Вера не знала.

— Здесь оставайтесь! — крикнул офицер своим матросам. — Я верну лодку.

Один из них стоял на крыльце, другой помогал поднять спасённого старика в верхние комнаты. Вера видела, как они работали, прежде чем отвязала лодку. Попросить её она уже пробовала. Офицер велел ждать, а Ульяна тем временем перестала отвечать на крики.

Ждать Вера не могла. Весной ей уже однажды сказали, что муж задерживается и незачем тревожиться. Он утонул, пока она ждала.

Офицер повернулся к ней:

— Грести умеете?

— Умею.

— Тогда садитесь на середину. Вместе возьмём.

Она приготовилась спорить. Он молча подал ей второе весло.

Они оттолкнулись от крыльца. Вера упёрлась ногой в сундук между скамьями и налегла на весло, как делала в тихой воде у мастерской. Теперь этого оказалось мало: поток разворачивал лодку боком.

— Не спешите, — сказал офицер. — На меня смотрите. Вместе.

Она поймала его движение. Со второго раза получилось.

Её собственную лодку разбило у ворот ещё в темноте. Дом затопило снизу, из мастерской успели вынести только часть инструмента. Вера оставила всё, когда поняла, куда ушла Ульяна.

Старая соседка несколько дней не вставала с постели. Ульяна обещала помочь ей выбраться, если вода поднимется, и сдержала обещание так, как умела: осталась рядом. Сама Вера задержала ей плату, а ещё вчера раздражённо сказала, что женщина вольна искать другое место, если здесь не нравится. Теперь каждое мгновение хотелось, чтобы Ульяна высунулась из окна и хорошенько её обругала.

Лодка задела что-то под водой. Вера вскочила было, но офицер остановил её:

— Сидите. Пройдём.

Под днищем заскребло. Они замерли. Потом лодка чуть приподнялась и соскользнула дальше.

Рядом проплыла дверь с медной ручкой. Вера узнала её: ещё вчера за этой дверью соседка продавала хлеб. Сегодня здесь можно было потерять дорогу между двумя знакомыми домами.

— Как вас зовут? — спросил офицер.

— Вера. А вас?

— Дмитрий.

Из окна снова закричали. Вера подалась вперёд.

— Ульяна!

— Здесь мы! Обе здесь!

Женщина стояла на столе возле окна. Одной рукой держалась за раму, другой обнимала старуху, сидевшую рядом. Вода доходила до края столешницы.

— Слава тебе, Господи, — выговорила Вера.

Ульяна разглядела её и сразу нахмурилась.

— Куда ты полезла? Сама-то еле...

— Потом скажешь. Сейчас поднимайте её к окну.

Офицер подвёл лодку вплотную и удержал её веслом у стены.

— Оставайтесь внутри, — сказал он Вере. — Принимайте ноги. Я подхвачу под спину.

Она кивнула. На этот раз спорить ей не захотелось.

Старуха боялась разжать пальцы. Вцепилась в рукав Ульяны и повторяла, что в лодку не полезет: утонет. Уговаривать пришлось всем троим. Офицер говорил спокойно, будто за окном стоял погожий день и они собирались прокатить её по гавани.

— Вы только отпустите рукав. Вот так. Я вас держу.

Когда старуху перевалили через подоконник, лодка тяжело осела. Вера приняла её на колени. От одежды потекла вода; старуха дрожала и пыталась снова за что-нибудь ухватиться.

— Меня держите, — сказала Вера. — Слышите? За руку.

Та ухватилась так крепко, что стало больно.

Офицер посмотрел на борт, затем на Ульяну, оставшуюся в окне.

— Не прыгайте. Подождите.

Вера тоже увидела, как низко сидит лодка. Сундук между скамьями занимал почти всё дно. Широкий, тяжёлый, перетянутый шнуром. Она устроила старуху так, чтобы та могла опереться спиной, и потянулась к ручке.

— Вытащим его на подоконник.

Офицер остановил её:

— Там некуда. Она на столе стоит, пол уже под водой.

Ульяна оглянулась в комнату. От её движения стол качнулся, и она вцепилась в раму обеими руками.

— Вера...

Она произнесла это совсем тихо. Вера услышала.

— Бросьте сундук, — сказала она.

Мужчина не ответил сразу. Смотрел на воду, оценивая, как держится лодка. Потом убрал весло, опустился возле сундука и взялся за ручку.

— Помогите с этой стороны.

Теперь Вера заметила печати на шнуре.

Она посмотрела на офицера.

— Казённый?

— Да.

Вот что она увезла вместе с лодкой.

— Что в нём?

— Бумаги.

— С вас спросят?

Он коротко взглянул ей в лицо.

— Спросят. Беритесь.

Вера взялась. Поднять сундук вдвоём удалось не сразу: старуха не отпускала её руки, а при каждом движении лодка уходила от окна. Ульяна держала раму, офицер удерживал борт, Вера осторожно освободила пальцы.

— Я здесь, — сказала она старухе. — Никуда не денусь.

Они приподняли сундук и перевалили через край. Он ударился о воду, качнулся тёмной крышкой и поплыл прочь среди досок.

Лодка поднялась.

Офицер тотчас повернулся к окну:

— Теперь вы. Не вставайте на раму. Сядьте, ноги сюда.

Ульяна перебралась через подоконник. Когда он подхватил её, стол внутри дома опрокинулся с таким плеском, что старуха на дне лодки закричала.

Вера придержала Ульяну за пояс и помогла ей сесть.

Несколько мгновений все молчали. Вода шла через окно в комнату, из которой они только что выбрались.

Офицер вернул весло в уключину.

— Вера, гребите.

Она взяла своё.

Назад шли тяжелее. Старуха лежала у Ульяны на коленях, мешали плавающие обломки, налетал ветер. Теперь Вера следила за движением офицера и не пыталась опередить его.

Ульяна наконец заговорила:

— Лодка чья?

Вера посмотрела вперёд.

— Его.

— А он позволил?

— Я поехал вместе с ней, — сказал офицер.

Ульяна перевела взгляд на Веру и ничего больше не спросила. Так она обычно смотрела, когда разговор откладывался до дома.

Вера неожиданно захотела вернуться в тот самый дом, который ещё недавно считала опустевшим навсегда. Чтобы Ульяна поставила на стол что-нибудь горячее, потребовала снять мокрое платье и принялась браниться. Вера обещала себе выслушать всё.

Когда они добрались до крыльца, матросы помогли перенести женщин наверх. Один подхватил старуху на руки; Ульяна пошла следом, держась за стену. Вера осталась в лодке. Руки плохо слушались, и ей никак не удавалось положить весло так, чтобы оно не скатывалось.

Офицер забрал его и протянул ей ладонь.

— Теперь вы.

Она поднялась осторожно. Его рука была ободрана у костяшек, рукав порван. Вера заметила это только сейчас, когда больше не надо было никого вытаскивать из окна.

— Я верну лодку, — сказала она и тут же поняла, как это прозвучало.

Он впервые улыбнулся.

— Уже вернули.

Вера тоже чуть улыбнулась. Потом вспомнила сундук.

— Я скажу, почему пришлось его бросить. Если понадобится, скажу кому угодно.

— Придётся назвать ваше имя.

— Мещерякова. Вера Даниловна.

Он перестал улыбаться.

— Вдова Михаила Степановича?

Вера задержала руку в его ладони.

— Вы знали моего мужа?

— Лично не знал.

— Откуда тогда...

Он посмотрел на затопленный двор.

— Его имя было в бумагах, которые я вёз.

Она обернулась туда, где они оставили соседний дом. Сундука уже не было видно.

— Бумаги о весенней перевозке?

— В том числе.

Вера медленно отпустила его руку.

Никто не должен был погибнуть ради этих бумаг. Она сама велела их выбросить и снова велела бы, останься Ульяна в окне.

Муж погиб, а вместе с бумагами исчезла ещё одна возможность узнать, что случилось. Дмитрий, по крайней мере, знал, какие тетради вёз и у кого их забрал.

— Фамилия ваша?

— Вельский. Дмитрий Алексеевич. Лейтенант.

— Мне нужно с вами поговорить, Дмитрий Алексеевич.

Он посмотрел на её мокрое платье, на дрожащие руки.

— Поговорим. Сначала поднимайтесь к людям.

Вера приняла его помощь и выбралась на крыльцо.

Вельский. Эту фамилию она уже знала. Младший офицер, торопивший Михаила в день последней перевозки, тоже был Вельский.

Глава вторая. Верхние комнаты

10 сентября, раннее утро

В верхней комнате Дмитрий прежде всего увидел человека, который собирался умереть из-за сапог.

Старик, вынесенный матросами из нижнего жилья, сидел у стены в одной рубашке и требовал пустить его обратно. Сапоги остались под лавкой. За них заплачено, они ещё годны, и он никому не позволит распоряжаться своим добром. Савелий, державший перед ним чужие сухие чулки, объяснял, что лавка уже плавает вместе со всем нижним жильём. Старик слушал и требовал сапоги.

Дмитрий снял с Веры руку. Она держалась на ногах, хотя пол под ней, должно быть, всё ещё качался.

— Посадите его к печи, — сказал он Савелию. — И скажите, что сапоги будем искать, когда можно будет войти.

— А то он без вас уж два раза до лестницы дошёл.

— Третий раз не дайте.

Из соседней комнаты появилась женщина с такой прямой спиной, словно буря могла согнуть её дом, но не её. В одной руке она держала связку ключей, в другой — мужской кафтан. Увидев Дмитрия, остановилась.

— Ещё двоих привезли?

— Троих, Авдотья Ивановна.

— Ну, значит, троим нужно сухое. А с вас течёт так, что и верхние комнаты скоро затопит. Кафтан наденьте, ваш пускай повисит.

Она подала ему одежду и повернулась к Вере:

— Вы ко мне. Есть платье покойной сестры. Не по росту, так завернём.

Вера посмотрела на Дмитрия. Он понял, что она собирается остаться здесь и спросить о муже при всех, среди мокрых людей, кашля, чужих вещей и стариковых сапог. Он сам протянул ей этот повод. Мог бы промолчать, услышав фамилию, и, вероятно, выбрал бы для себя более удобное утро.

— Я никуда не уйду без вас, — сказал он. — Переоденьтесь.

Авдотья Ивановна увела её, не дожидаясь нового возражения.

Григорий вернулся с крыльца и доложил, что лодка привязана. Вода поднялась почти до верхней ступени. С улицы доносился треск; иногда среди него можно было различить человеческий голос. В доме всякий раз умолкали, прислушиваясь, и потом начинали говорить громче прежнего.

Дмитрий велел матросам сесть и обернуть ноги сухим. Оба работали с ночи. Посылать их снова сейчас значило рассчитывать на силы, которых могло уже не быть. Григорий тут же сказал, что с ним всё в порядке, и попытался расстегнуть ворот. Пальцы у него не слушались. Дмитрий расстегнул крючок сам.

В это время из комнаты вынесли спасённую старуху. Ульяна поддерживала её под локоть, но старуха упиралась и уверяла, что из-за неё и так слишком много хлопот.

— Сядьте сюда, Агафья Петровна, — сказала Ульяна. — Дальше я сама.

— У тебя самой зуб на зуб не попадает.

— Вот и будем рядом стучать.

Она усадила соседку возле печи. Дмитрий заметил, как трудно ей разгибаться, как она придерживает бок, и спросил, не ударилась ли она при переносе.

— Ударилась ещё дома. О стол. Вы уж не смотрите так, всё у меня цело.

Ульяна не поблагодарила его длинной речью, не стала креститься перед ним и желать благополучия всей его родне. Попросила другую тряпку, потому что первая уже насквозь промокла. Получив её, принялась осторожно вытирать старухе волосы. Дмитрий был ей за это признателен. Благодарность людей, которых он спас ценой казённых бумаг, сейчас поставила бы его в неловкое положение.

Хозяйка принесла хлеб и оставшуюся с вечера кашу. Горячего питья пока не было. Часть запасов находилась внизу, и доставать их пришлось бы через окно. Авдотья Ивановна отрезала от каравайя ломти, раздавая их так уверенно, будто гостей пригласили к назначенному часу.

Дмитрий знал её прежде только по имени. Купеческая вдова сдавала комнаты, давала в долг под знакомое слово и ни разу не позволила взять со своего двора доску без спроса. Сегодня с утра в её доме побывали люди, которым она прежде отказала бы в пороге. Они принесли ил, намочили тюфяки и съели хлеб. Ключи она всё же не выпустила из рук.

— Когда вода уйдёт, каждый возьмёт, что принёс, — объявила она. — А чужое оставит. Сейчас не разберём, потом разберём.

Старик у печи наконец взял сухие чулки.

Пока его люди отогревались, Дмитрий вышел к окну. Над залитым двором рассветало. Из воды торчали верхушки ворот, мимо медленно двигалась скамья. Он попытался найти взглядом сундук и тотчас рассердился на себя. Прошло слишком много времени. Предмет могло унести за дом, разбить о стену, затянуть под обломки. Вода не оставляла вещи там, где их положили.

Вчера вечером он получил бумаги у Лютова по описи. Приём был закончен уже при скверной погоде; выйти дальше не удалось, пришлось искать укрытие поблизости. На его глазах слуги снесли на второй этаж имущество, матросы вытащили людей, а сухой путь исчез. Сундук он взял с собой, когда пересаживался в лодку. С этого места его объяснение становилось особенно простым: мог не возвращаться к чужому окну, вернулся, выбросил груз.

Правду было нетрудно запомнить. Трудно было написать её так, чтобы не начать незаметно оправдываться.

— Дмитрий Алексеевич.

Вера стояла у двери в тёмном чужом платье, слишком широком в плечах. Волосы она кое-как собрала, из-под платка выбивалась мокрая прядь. На запястье остался красный след от пальцев старухи. Увидев его взгляд, она потянула рукав ниже, словно след выдал что-то неприличное.

— Давайте теперь поговорим.

Он предложил ей скамью возле окна. Здесь было прохладнее, зато можно было не повышать голоса. Вера села на самый край. Сухая ткань ещё не успела согреть её.

— У вас были бумаги Михаила Степановича?

— Среди них была тетрадь, помеченная его именем. И записи по работам Лютова. Всё вместе следовало доставить для сверки.

— По какой сверке?

— По расходам и припасам. Весенняя перевозка входила в эти записи.

— Что там было о крушении?

— Я не читал тетрадь.

Она подняла голову.

— Вы же сказали...

— Я видел имя в описи. Знаю, что было в сундуке. Не знаю, что написано на каждой странице. Печати были целы, я их не снимал.

Надежда в её лице сменилась настороженностью. Дмитрий не торопился заполнить молчание утешением. Обещать вдове, что в пропавших бумагах непременно нашлась бы нужная ей правда, было бы так же нечестно, как объявить, что они вовсе ничего не значили.

— Кто поручил вам их забрать?

— Мой командир. Капитан второго ранга Ермолаев. Бумаги готовили к передаче в Адмиралтейств-коллегию.

Она повторила фамилию беззвучно, запоминая.

— Значит, я могу обратиться к нему?

— Можете подать то, что вам известно. Только прежде вы должны знать ещё одно.

Ему пришлось остановиться. За спиной старик опять заговорил о сапогах; Ульяна ответила что-то резкое, и в комнате коротко засмеялись. Дмитрий вдруг ясно почувствовал, сколько удобных поводов отсрочить признание давало это утро. Они ещё дрожали от холода. Вода поднималась. Людей следовало спасать. Можно было прожить весь день в настоящей работе и к вечеру убедить себя, что для трудного разговора так и не нашлось часа.

— При перевозке был мой брат, — сказал он. — Степан Алексеевич Вельский. Он мичман. Вы, должно быть, слышали его имя.

Вера выпрямилась.

— Степан Вельский — ваш брат?

— Да.

— Он сказал, что Михаил сам распорядился выйти.

— Мне он говорил то же.

— И вы ему верите?

Дмитрий посмотрел на её руку. Она сжала пальцы на краю скамьи так, словно сидела опять в лодке.

— Я хочу ему верить. Поэтому вам нужно было услышать это от меня.

Она отвернулась к окну. Слова о брате не сделали их врагами немедленно, но изменили расстояние между ними. До этой минуты Дмитрий был для неё человеком, который мог знать что-то полезное и уже помог. Теперь ей придётся проверять каждое его слово. Он не мог требовать, чтобы она поступала иначе.

— Почему вы взялись за бумаги? — спросила Вера.

— Это было поручение по службе.

— И только?

Он не ответил сразу. Она услышала паузу и повернулась к нему.

— Я хотел узнать, есть ли там что-нибудь о Степане, — сказал Дмитрий. — Командиру этой причины не назвал. В объяснении назову.

— Теперь, когда сундук пропал.

— Теперь, когда сундук пропал.

Ему хотелось добавить, что никакую бумагу он не спрятал, что они выбросили сундук вместе и что иначе Ульяна осталась бы в доме. Но Вера знала всё это. Повторение заставило бы её чувствовать себя обязанной, а он уже воспользовался доверием людей один раз больше, чем следовало.

— Я не буду просить вас верить моему брату, — сказал он. — И за вас ничего решать не стану.

— А если выяснится, что он виноват?

— Тогда ему придётся отвечать.

— Вам легко сказать.

— Мне нелегко.

Она посмотрела на него внимательно, почти сердито. Он выдержал этот взгляд. В нём было что-то справедливое: после нескольких часов помощи она имела право узнать человека, которому доверила жизнь, менее удобным для себя образом.

— У Михаила были свои записи, — произнесла она наконец. — Дома. Я не всё успела вынести. Если они остались...

— Сейчас вы туда не пойдёте.

— Я не спрашивала позволения.

— Я и не даю приказа. Посмотрите в окно.

Она посмотрела. На месте, где раньше стояли ворота, прошёл кусок крыши. Вера проводила его взглядом и откинулась к стене.

Дмитрий взял со стола ломоть хлеба и подал ей. Она хотела отказаться, потом отломил кусочек. Ела медленно, словно только теперь вспомнила, что для работы нужно что-нибудь кроме упрямства.

Ульяна подошла к ним, вытирая руки. Под мышкой у неё был плоский свёрток.

— Отсюда пойдём вместе, — объявила она Вере. — Ты прежде мне скажешь куда. Я по всему городу за тобой бегать не нанималась.

— Ульяна...

— И что ты мне должна, то должна. Я не из-за денег в окне сидела, не смешивай.

Вера положила хлеб на колени.

— Я знаю. Рассчитаюсь, как смогу.

— Как сможешь — это разговор без конца. Ты мне срок назови, когда посчитаем. Хоть завтра. Хоть послезавтра. Чтоб я знала, на что жить.

Дмитрий собирался встать, оставить их, но Вера ответила прежде, чем он успел двинуться:

— Завтра посчитаем всё, что уцелело. И что тебе должна. Не вычту ни дня из-за воды.

Ульяна кивнула и передала свёрток.

— Тогда держи. Твоя расходная тетрадка. Взяла, когда уходила к Агафье Петровне. Подумала: платьев у нас хоть одно найдётся, а кто кому должен — из головы не вспомним.

Вера приняла свёрток обеими руками. Не открыла. Прижала к себе и вдруг опустила голову. Ульяна не стала гладить её по волосам, только задержалась рядом. Дмитрий поднялся, чтобы заслонить их от любопытных глаз.

В этот миг внизу стали бить в дверь.

Григорий уже сбежал на лестницу. Он вернулся с молодым человеком, который едва переводил дыхание. Одна штанина у того была разодрана, рука вымазана кровью. Он поздоровался с Ульяной так, будто встретил её на обычном дворе, и только потом увидел офицера.

— Там Семёна придавило, — сказал он. — Из-под навеса вытащили, а сюда не перенести. Дорогу разобрало. Он тяжёлый, мы вдвоём не справимся.

Ульяна взяла у Веры тетрадь, положила на подоконник и пошла за своим мокрым платком.

Дмитрий окликнул её:

— Куда вы?

Она остановилась и посмотрела на него без всякого почтения

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.